

Гарри посмотрел на него. - "Я думаю, ты свободнее, чем ты думаешь", - сказал он, нежный, ужасный и добрый.

Северус закрыл глаза.

"Не то чтобы я действительно знал", - добавил Гарри, когда он не ответил.

"Ты не знаешь", - подтвердил Северус. Было так много всего, чего Гарри не знал.

Он услышал, как Гарри переступил с ноги на ногу. - "Я должен идти. Спасибо тебе за то, что ты был со мной откровенен. Я надеюсь, что мы все еще сможем быть друзьями".

Северус прочистил горло. Что бы ни случилось, когда Альбус отменил Обливиэйт, в этот момент он чувствовал себя таким же потерянным и сбитым с толку, как и во время всех своих взаимодействий с Гарри за последние несколько лет.

"Очень хорошо", - признал он.

"Увидимся на работе, Северус". Гарри на мгновение подошел ближе и поцеловал Северуса в щеку, легким прикосновением. Северус пощупал свою щетину.

"Еще раз спасибо, что выслушал меня".

А потом он ушел, и Северусу даже не хватило сил пожелать ему, как всегда, чтобы он не был убит до их следующей встречи — хотя на этот раз он имел в виду это более яростно, чем когда-либо.

Северус не мог уснуть.

Сытый по горло самим собой, Северус сел в постели, снова зажег потушенный несколько часов назад свет, и попытался скоротать время за чтением... но даже это только возвращало его мысли к одному и тому же месту, снова и снова.

Поэтому он вышел в сад и сел на ржавый металлический стул под ночным небом, упершись босыми ногами в землю. Ночь была ясная, и все богатство весны окружало его: мотыльки, насекомые, сорняки и тюльпаны. Поскольку они были любимыми цветами его матери, он каждый год сажал луковицы тюльпанов. Они всегда исключительно хорошо росли на этом маленьком клочке земли. Они расцветали у его ног.

Палач плачет по белым маргариткам весной, подумал он про себя, на мгновение желая что-либо уничтожить.

Ему было интересно, что бы подумала его мать о событиях того вечера. Или, боже упаси, Лили. Один уголок его рта дернулся вверх. Лили могла бы, в лучшем из всех возможных миров, рассмеяться.

На необычный выбор ее сына в одержимости, хотя он и не надеялся на то, что сделал Альбус.

Северус медленно вздохнул, а затем закрыл глаза и откинул голову на спинку стула. Было что-то в том, чтобы быть здесь ясной ночью, что успокаивало его, позволяя его мыслям течь более плавно.

Он протянул руку и намотал прядь своих волос на два пальца.

Он полагал, что ему следовало бы обидеться на прилагательные, которые Гарри использовал для описания его волос. Но это были всего лишь констатации факта. Волосы Северуса были отвратительны. Он бы сам чаще мыл их, если бы очистка от всех различных паров, которые он впитывал от кипящих зелий, не занимала так чертовски много времени.

Его рука поднялась еще немного, запутываясь в густом, маслянистом месиве, пока пряди не оказались пропущены между каждым из его пальцев, а ладонь не легла на изгиб шеи.

Он, как никто другой, знал, что желания не всегда принимают удобные формы.

Его вторая рука поднялась, чтобы присоединиться к первой. Он сжимал и разжимал их в волосах, медленно, вращательным движением.

Гарри Поттер, наконец-то позволил он себе прямо подумать, пытался соблазнить его.

Нет. "Соблазнить" было слишком узким понятием. Он хотел "свиданий" и "обязательств".

Гарри Поттер пытался ухаживать за ним.

Гарри Поттер пытался ухаживать за ним, Северусом Снейпом.

Северус снова увидел молодого волшебника, выпрямившегося и беспомощного, просящего — умоляющего — дотронуться до волос Северуса. Поначалу казалось, что зелье лишило его всякого достоинства. Но чем больше Северус думал об этом, тем больше он понимал, что этот человек излучал достоинство, даже когда его самое скрытое "я" было обнажено.

Кулаки Северуса сжались, стягивая пригоршни его волос к корням. Мысли о Гарри сводили с ума. Так было всегда. Со способностью или без способности знать, что он чувствует, за эти годы было так много раз, что Северусу просто хотелось схватить Гарри и встряхнуть его. Пока он на самом деле не начал использовать тот мозг, который, как знал Северус, был у него между ушами. Пока он не перестал быть таким чертовски благородным и добросердечным, упрямым и непоколебимым, слишком чертовски молодым и совершенно, убийственно совершенным...

Северус понял, что в ту секунду, когда он хоть немного уступит Гарри, он воспламенится, как керосин.

Он обхватил себя руками. Ночь не была холодной, но он дрожал. Он чувствовал себя более уязвимым и напуганным, чем когда-либо за последние годы.

Он вытащил палочку и вызвал Патронуса.

Лань внимательно ждала, пока Северус тихим голосом произносил сообщение, которое он хотел, чтобы она передала. Затем она перемахнула через садовую стену, оставив взгляд Северуса мерцать отблесками ее серебряного света.

У вернувшегося оленя были рога, достаточно широкие, чтобы заслонять звезды. Слова, которые он говорил ему, в свою очередь, были обещаниями, заверениями.